

ception and Conception // Psychological bulletin. 127. 2001. P. 3–21. О событиях как онтологических категориях см.: Jackendoff R. Foundations of Language : Brain, Meaning, Grammar, Evolution. N. Y., 2009 ; Величковский Б. Когнитивная наука : Основы психологии познания : в 2 т. Т. 2. М., 2006.

⁴ Калиткина Г. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. С.100. Модели времени подробно рассматриваются также в работе: Сергиева Н. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании. СПб., 2009. С. 120–136.

УДК 811.161.1'373.612.2

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ ТРАДИЦИОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. В. Сатушина

Саратовский государственный университет
E-mail: juliasatushina@gmail.com

В статье рассматривается метафора традиционной профессиональной деятельности в аспекте её функционирования и регулярности использования в современной коммуникации.

Ключевые слова: языковая картина мира, метафора, социальная оценка.

Metaphor of Traditional Professions in the Modern Russian Language

Yu. V. Satushina

The article deals with the metaphor of traditional professions in the aspect of its functioning and frequency of usage in modern communication.

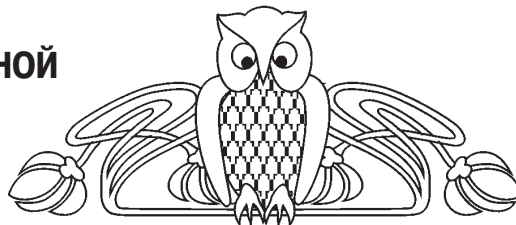
Key words: linguistic image of the world, metaphor, social appraisal.

Как отмечают современные исследователи, метафора играет значительную роль в формировании языковой картины мира¹.

Особое место в метафорической системе языка занимает социальная метафора, поскольку продуктивность различного типа социальной лексики как источника метафоризации не раз отмечалась в литературе². Нами для исследования избрана одна из значимых частей социальной метафорической макросистемы – метафора профессиональной деятельности, а именно тематическая группа «Традиционная профессиональная деятельность» (в дальнейшем – ТГТПД) в аспекте её функционирования, регулярности использования в современной коммуникации.

Как показал анализ толковых и семантических словарей, в состав ТГТПД входит 29 единиц, которые активно используются современными носителями русского языка: в базе Национального корпуса русского языка зафиксировано более 64 тысяч вхождений данных номинаций.

Поскольку выделение ТГТПД имеет тематический характер, то ее члены включают единицы из различных семантических сфер, в частности: 1) «земледелие и скотоводство» (*жнец, косарь, пахарь, пастух*); 2) «промысел» (*охотник, рыбак,*

дровосек, лесоруб); 3) «простейшие ремесла, народные промыслы» (*сапожник, кузнец, пряха, портной, закройщик, швея, повар, пекарь, кондитер*); 4) «строительство» (*строитель*); 5) «предпринимательство, торговля, финансы» (*купец, мясник, ростовщик*); 6) «обслуживание» (*кухарка, трубочист, прачка, сторож*); 7) «транспорт, перевозки» (*моряк, извозчик*); 8) «медицина, врачевание» (*лекарь*).

Наиболее продуктивными в плане функционирования метафорических переносов оказались следующие: *трубочист* (26,6% метафорических употреблений от общего числа вхождений), *пряха* (11,4%), *мясник* (10,6%), *пахарь* (10,6%), *жнец* (7,4%), *строитель* (7,1%), *сапожник* (5,3%), *кухарка* (3,1%), *ростовщик* (3%). То, что именно данные номинации чаще других развивают переносные значения и используются в них, связано с распространенностью того или иного ремесла, его местом в культуре социума.

Так, лексема *трубочист* реже других употребляется в своем прямом значении по той причине, что люди данной профессии чаще встречаются в странах Северной Европы, в России их исторически значительно меньше. Однако устойчивость представлений о трубочистах как о людях, чья работа напрямую связана с грязью и кого легко определить по внешнему виду (их одежда и тело покрыты сажей, которая легко пачкается и трудно счищается), лежит в основе регулярного метафорического переноса 'грязный человек' (*Мамаша-то увидит вас таким трубочистом, что скажет?; Возле дымящегося холма копошились чернолицые, чернорукие, как трубочисты, люди, среди них бабы и подростки*).

Продуктивность лексемы *пряха* как источника метафоры связана с влиянием на метафорическую систему языка древнейших мифологических представлений и языческих верований. Подобно древнегреческой богине судьбы Мойрам и германской Норнам, в восточнославянской мифологии богиня Макошь изображалась в виде пряжи, прядущей нить человеческой жизни (*А я при ней, как пес. Велит на задние лапки вскинуться – вскинусь. Велит замереть – замру. <...> Но женищина сия*

великая тайна есть и величайший соблазн! Испытание человека! <...> Давайте выпьем теперь, государь мой, за здоровье тех почтенных дам-с, за парок неутомимых, за искусных прях!; Но каково было тем, в ком бурлила жажда свободы, чья воля не давала себя заворожить жужжанием веретена предвечной пряхи?).

Активность семантической сферы «земледелие» (*пахарь, жнец*) в формировании метафорических производных обусловлена тем, что данный вид хозяйственной деятельности на протяжении многих веков занимал значительное место в жизни славянских народов (*Друзья мои при всех изломах судьбы остались добросовестными пахарями, их золотые головы в Минске оценили по достоинству; Начальник гавани сел в кресло и обратился к морякам: – Храбрые пахари моря! Вы избороздили вашими кораблями все воды, обтекающие равнины земли*).

Характерной особенностью современного русского языка является использование в качестве источника метафоризации номинаций как традиционной, но сохранившейся в современном обществе профессиональной деятельности, так и устаревших, неактуальных занятий; неоднороден также лексический состав используемых наименований. Поэтому нам представляется возможным разделить рассмотренные номинации традиционных профессий на несколько подгрупп в зависимости от характера называемой ими деятельности и от лексического состава самих номинаций.

По виду обозначаемой деятельности рассмотренные наименования можно разделить на следующие группы:

- 1) характер деятельности не претерпел существенных изменений, номинация активно используется в настоящее время (*закройщик, сторож*);
- 2) изменились условия, средства труда, однако номинация сохранилась (*моряк, повар*);
- 3) в связи с изменившимися условиями труда данные номинации не употребляются по отношению к современному производству, но продолжают функционировать при номинации традиционной деятельности в сельской местности и традиционном быту (*кузнец, пахарь, косарь, жнец*);
- 4) обозначаемые профессии не встречаются в современном обществе (*извозчик*).

Среди рассмотренных номинаций можно выделить архаизмы (*лекарь, дровосек, пряха*) и историзмы (*извозчик*).

Интересно рассмотреть функционирование метафоры традиционной профессиональной деятельности в разных синхронных срезах современного русского языка. Выбор лексики как источника метафоризации в значительной степени определяется социальными факторами, системой приоритетов, существующих в социуме в конкретный период его развития. Так, с начала XIX в., когда формируется современный русский

язык, российское общество видело немало социальных перемен. Поэтому нам представляется необходимым выделить несколько связанных с ними периодов: XIX век, первая половина XX в., вторая половина XX в., 1990-е гг. – современность.

Как показал наш материал, в целом на современном этапе наблюдается увеличение числа переносных значений, развиваемых лексикой профессиональной деятельности, причем метафоризации подвергаются как наименования профессий, представленных в современном обществе, так и названия занятий, не актуальных сегодня. Вместе с тем заметно уменьшение числа метафор с номинациями таких профессий, как *трубочист, мельник, пряха, кондитер, пекарь, швея* (таблица).

Еще одной особенностью функционирования метафоры ТГТПД в современном русском языке является значительное сокращение количества переносных значений в текстах второй половины XX в. по сравнению с первой половиной столетия и увеличение их числа на современном этапе, доля описанных случаев составляет 55,0% (см. табл.).

Нередко в разных синхронных срезах преобладают метафоры с разным семантическим наполнением. Так, во второй половине XX – начале XXI в. наряду с традиционным переносом 'извозчик' → 'грубый, невоспитанный человек' (*Да если ты хочешь браниться, как извозчик, то я уйду.* (1890); *Бабакалкина... эта, что на прачку похожа и сморкается как извозчик...* (1887)) появляется новый перенос, отражающий развитие транспортных средств, освоение воздушного и космического пространства: 'извозчик' → 'водитель такси', 'воздушное, космическое транспортное средство' (*Все возможные места парковки у зала вылета «Шереметьево-2» были, как обычно, забиты машинами «извозчиков».* (2004); *Чехословацкие авиастроители решили бросить вызов популярному «воздушному извозчику» последнего десятилетия — итало-французскому АТП-42.* (1987); *«Протон» приобрел славу одного из самых популярных космических «извозчиков».* (1997)).

Если в XIX – начале XX в. переносы лексемы *кухарка* в основном ориентированы на стандартные внешние ассоциации, связанные с людьми этой профессии, – о грубых, неопрятных женщинах (*...туфли на босу ногу, волосёнки жиденькие, нечесаные, в папильотках, с денциками собачится, как кухарка* (1911); *Чешешься ты, как кухарка ... волосы у тебя в разные стороны...* (1911)), то после прецедентной фразы В. И. Ленина о том, что «каждая кухарка должна научиться управлять государством», на базе ироничного отношения к данному утверждению развивается новое метафорическое значение, продуктивность которого постоянно растет, достигая наибольшего показателя в конце XX – начале XXI в.: при переносе высмеивается коммунистическая идеология или глупость / некомпетентность правящих кругов (*Робкие попытки отдельных «комсомольцев-добровольцев» реформировать систему и при-*

**Регулярность использования метафоры традиционной профессиональной деятельности
в современном русском языке (%)**

Профессия	Период				
	всего метафор от общего числа вхождений	XIX в. (от общего числа метафор)	первая половина XX в.	вторая половина XX в.	1990-е гг. – современность
Дровосек	0,7	25,0	–	25,0	50,0
Жнец	7,4	–	25,0	13,0	62,0
Закройщик	0,9	–	–	–	100,0
Извозчик	0,8	19,0	31,0	17,0	33,0
Кондитер	1,4	–	75,0	–	25,0
Косарь	0,9	–	25,0	–	75,0
Кузнец	1,5	–	17,0	29,0	54,0
Купец	0,3	–	3,0	32,0	64,0
Кухарка	3,1	9,0	7,0	25,0	60
Лекарь	1,5	15,0	4,0	29,0	46,0
Лесоруб	2,1	–	20,0	–	80,0
Мельник	0,36	–	83,0	17,0	–
Моряк	0,5	21,0	31,0	14,0	34,0
Мясник	10,6	11,0	26,0	24,0	39,0
Охотник	1,0	4,0	16,0	18,0	61,0
Пастух	0,9	7,0	22,0	7,0	63,0
Пахарь	10,6	12,0	34,0	20,0	34,0
Пекарь	2,0	40,0	40,0	–	20,0
Повар	0,6	26,0	16,0	–	58,0
Портной	1,2	19,0	48,0	–	33,0
Прачка	1,2	11,0	22,0	11,0	56,0
Пряха	11,4	20,0	40,0	20,0	20,0
Ростовщик	3,0	27,0	–	–	73,0
Рыбак	1,5	12,0	2,0	14,0	56,0
Сапожник	5,3	27,0	21,0	13,0	40,0
Сторож	0,8	18,0	36,0	18,0	27,0
Строитель	7,1	4,0	27,0	27,0	42,0
Трубочист	26,6	39,0	55,0	8,0	8,0
Швея	1,1	–	67,0	–	33,0

дать ее звериному оскалу человеческий облик неизменно или прахом: «*кухарки, управляющие государством*», не терпят, когда кто-то еще на их кухне шурует. (1997); *Сборищу «кухарок» только меняют названия: то Верховный Совет, то Федеральное Собрание.* (2000)). Показательно, что негативная оценка присуща как первому, так и второму типу переноса.

После появления во второй половине XX в. глагольных метафорических идиом *отмывать деньги* и *стирать грязные деньги* новые переносные значения развивает лексема *прачка*: ‘человек, занимающийся «отмыванием» денег’ (*Будешь класть грязные деньги на свое чистое имя в банке и отстирывать... Ты дорогая прачка, вот и все.* (2001); *Выяснилось, что Сергей зани-*

мался компьютерным обеспечением банковских проводок. Был высокооплачиваемой прачкой. Специалистом по отстирыванию денег. (2001)).

Изменения могут проследиваться также в системе социальных оценок метафоры той или иной профессиональной деятельности при сохранении области, в которую осуществляется перенос. Так, во всех выделенных нами синхронных срезах *пастухом* называют кого-либо, руководящего группой людей (абстрактных сущностей), ответственного за их организацию. В XIX – первой половине XX в. такая метафора несет исключительно положительную оценку того, по отношению к кому она употребляется. Метафора в данном случае основывается на устойчивом образе-символе пастуха/пастыря из Ветхого Завета как символа

социального лидера и Евангелия как символа апостола, последователя Христа (Ис 44:28; Иер 3:15; Мих 5:4), а также Самого Бога (Пс 22; 79:2; Ис 40:11; Иер 31:10): он собирает «заблудших», помогает больным и дает своему народу то, в чем тот нуждается. Так, в притче о добром Пастухе рассказывается именно о таком назначении и служении Иисуса (Ин 10; Евр 13:20). Поэтому в метафорах обозначенного периода *пастух* – это ‘заботливый руководитель/лидер’, который направляет людей в сложных обстоятельствах, помогает им преодолеть трудности (*Он жалеет людей, которые ему представляются как растерянные, погибающие без пастуха овцы.* (1884); *Знаю я такую жизнь — мысли есть, а не связаны и бродят, как овцы без пастуха, — нечем, некому их собрать...* (1906)). В источниках второй половины XX – начала XXI в. у этой метафоры может актуализироваться пейоративная оценка, причем это распространяется на покорных, безынициативных опекаемых – *стадо, бараны* и т. п. (*На выборах спятивший, разделенный на части народ, как стадо бычков, торопится к урнам под крики телевизионных пастухов, под ударами электронных бичей.* (2001); *Он делает тебя, умного, красивого и сильного, невнятно бляющим бараном. Пастухи знают, чего ты боишься.* (2003)).

Влияние прецедентного библейского текста проявляется в формировании некоторых метафор у лексемы *сторож* (*И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? (Быт. 4:9), ср.: Потом добавил глухим голосом: «Я не сторож сестре своей».* (2001)).

Нередко на формирование переносных значений оказывают влияние ассоциации, связанные с мифологическим осмыслением конкретных видов профессиональной деятельности. Так, богиня судьбы в славянской мифологии представлялась в образе пряжи, а смерть изображалась как старуха с косой, косарь, жнец (*Стать личностью означает <...> вытянуться колом на длинном стельке, <...> всегда рискуя оказаться первой жертвой жнеца, традиционно изображаемого в виде старухи с косой в костлявых руках.* (1990)).

Зачастую продуктивность лексики профессиональной деятельности как источника метафоризации связана с вхождением ряда наименований традиционных профессий в состав идиом, литературных прецедентных текстов, которые могут употребляться носителями языка в полной, усеченной либо преобразованной, переосмысленной форме, ср.:

• *человек – сам кузнец своего счастья:* *Мудрец сказал: хочешь быть счастливым — будь им. Каждый сам кузнец своего счастья. Если ты несчастлив, значит, ты не кузнец.* (2001); *Хотя в данном случае Герасимов сам был кузнецом своей судьбы.* (2004);

• *время лечит:* *Во-первых, успокоиться. Время — лучший лекарь.* (1999); *Лучший лекарь*

— *работа.* (2004); ‘рыбак рыбака видит издалека’ – ср.: *Я бизнесмена вижу за версту. Рыбак рыбака...* (2000);

• *портной без порток, сапожник без сапог:* *Вольный художник — это босой сапожник, — возразил Служкин.* (2002); *О Nike можно смело сказать, что он — «сапожник в сапогах».* (2003);

• *беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник:* *И впрямь, беда, когда сознание отражает факты наизнанку до негатива, когда сапожник начинает печь пироги.* (2002);

• *и швец, и жнец, и на дуде игрец:* *...я и не сомневаюсь, что это ты ее выходила, ты же и швец, и жнец, и филолог, и академик, и герой, и публицист, и медроботник.* (1966)).

Метафоризация ТГТПД в современном русском языке регулярно мотивирована характером определенного вида занятий, особенностями поведения и специфическими действиями людей конкретной профессии: *продолжал рубить по струнам неистово, как дровосек; мотаюсь, как извозчик; город-купец и промышленник; закричал, как мясник, когда разрубает тушу; голова моя горит, как у пекаря, который стоит перед печкой; оглядывал ее, как портной заказчика; водил своим смычком, как швея иглой* и пр. Однако очень часто в составе метафорического поля к компоненту поведения человека определенной профессии присоединяется социальная оценка данного вида деятельности. Характер социальной оценки может быть достаточно предсказуемым или, наоборот, диффузным, ассоциативным.

Так, в современном русском языке преимущественно положительно оценивается обществом различного рода созидательная деятельность, прежде всего – земледелие, строительство, кузнечное дело, что поддерживается традиционными образами. Переносное значение лексемы *пахарь* преимущественно используется для обозначения ‘трудолобивого, честного, простого, преданного делу человека’ (*Они легко двинулись по служебной лестнице там, где честные пахари или от ступеньки к ступеньке долгими годами; Булгаков начисто лишен генеральского, парадного лоска. Он действительно напоминает обычного работника, «пахаря». Впрочем, он и есть «пахарь» войны,* хотя в сленге встречается и пейоративная (обычно пренебрежительно-ироничная) оценка тех же качеств (*Паши, пахарь, паши, может, кто и спасибо скажет!*). Метафорические производные лексемы *строитель* употребляются при характеристике процесса развития, создания чего-либо (*О море! Души моей строитель!; ...многие из них созданы величайшим строителем природы – водой*), при описании социальных преобразований, причем получающих одобрение общества (*строитель социализма, строитель новой жизни, строитель гражданского общества, великие строители земли Русской* и пр.), хотя встречаются примеры с пейоративной оценкой рассматриваемой лексемы,

где строитель – ‘создатель чего-то пагубного’ («за-служенный строитель» *финансовых пирамид; строитель брендов*). Кузнец метафорически также осмысливается как ‘создатель, творец’, однако чаще подчеркивается не масштабность социальных преобразований, а изменение личной судьбы человека (*кузнец своего счастья и здоровья, кузнец своей судьбы, кузнец женского счастья*).

Положительно обычно оценивается и деятельность, связанная с врачеванием: *лекарь* – ‘что-либо, помогающее справиться с трудностями’ (*Оптимизм – великий лекарь; Время – прекрасный лекарь*).

Несмотря на наличие семантического компонента ‘созидательная деятельность’ в структуре значения лексики из сферы приготовления пищи, «кулинарная» метафора часто содержит пейоративную оценку. Так, *повар* метафорически осмысливается как ‘ловкач, аферист, обманщик’ (*Кабинетного полковника Путина кремлевские повара политики превратили в Наполеона; Их [эрзац-спектакли] стряпают неумелые повара, из всех сил рекламирующие свою кухню. Они знают, что зрители пойдут на известных актеров*). Вероятно, перенос мотивирован тем, что человек, употребляющий готовое блюдо, редко знает, что положил в него повар и каков был процесс приготовления, поэтому у повара появляется возможность «схитрить», обмануть. Отрицательная коннотация присуща и переносным значениям лексемы *кондитер*, где в качестве признака, определяющего характер переноса, выбирается приторно сладкий вкус кондитерской продукции, ее иногда замысловатые формы: ‘создатель чего-либо приторного, чрезмерного, витиеватого’ (*Пищитический кондитер, Владимир Панаев, написал Софи нескромные стишки; Затем он начал говорить глупости и дерзости: – Тургенев – кондитер. У него – не искусство, а – пирожное*).

Аналогичную оценку получает деятельность, связанная с шитьем (...*этим старинным казачьим землям Сибирского казачьего войска, в одночасье и по линейке «закрепленным» в начале XX века <...> одним кремлевским закройщиком и точно так же в одночасье и по линейке «отрезанным», но уже в конце XX века другим кремлевским «портным»*).

Отрицательно воспринимается любого рода деятельность, не связанная с процессом созидания, производством материальных благ, – купечество, ростовщичество. Подтверждение этому находим в ряде пословиц: *купец – плутец; купец голубчик – деньгопупчик; купец торгом, поп горлом, мужик горбом*. Во многих религиозных текстах купцы причислялись к «нечистым» профессиям, а Иоанн Златоуст говорил, что «ремесло купца неудобно Богу»³. Сегодня прямое влияние религиозной литературы на формирование переносных значений лексемы *купец* утрачено, однако сохраняется пейоративная оценка названного вида

деятельности как занятия, преследующего цель наживы, кроме того, быть купцом или ростовщиком – значит зарабатывать на жизнь слишком легко, не затрачивая физических усилий (*Хочу напомнить разного рода «купцам», пытающимся похлопывать партию кошельком по плечу и норвежцам приватизировать КПРФ и НПСР: это им никогда не удастся!; У другого собаку выманить нечем, а он пьет-гуляет, как купец какой; Основными клиентами государственных ростовщиков становятся малоимущие граждане, пенсионеры*).

Пейоративную оценку получает метафоризация лексики из тематической сферы «промысел». Так, рыболовство, подобно вышеперечисленным занятиям, не относится к созидательным видам деятельности, оно связано с получением материальных благ путем использования богатств, существующих в природе. *Рыбак* метафорически понимается как ‘человек, наживающийся на других, использующий других в собственных целях’ (*Он говорил именно об олигархах: в России «есть рыбаки, которые уже много наловили»; Все смешалось в доме Титовых, все заговорили разом, мать заплакала, отец утешал ее, прибежал рыбак из «Красной звезды»...*), ‘человек, не желающий зарабатывать собственным созидательным трудом, предпочитающий ждать прибыли извне’ (*К «рыбакам» я отношу людей, которые забрасывают свои удочки в мутную водичку в надежде поймать огромную «рыбу-удачу»*). В используемой пословице *рыбак рыбака видит издалека* часто актуализируется этическая оценка личности – ‘подлец, пройдомец’ (...*рыбак рыбака видит издалека. Ну, и хорошие люди тоже, должно быть, узнают друг друга...; Такие чуют друг друга так же, как рыбак рыбака, дурак дурака, а клеветник клеветника*).

В семантике первичного значения лексемы *охотник* актуальными являются семы ‘преследование’ и ‘убийство’, которые и становятся модулем сравнения при переносе. Интересно, что эти семы не становятся определяющими при метафоризации лексемы *рыбак*, хотя рыболовство также подразумевает убийство животных. Вероятно, причина в психологическом восприятии убийства в первом и втором случае. Итак, *охотник* воспринимается преимущественно отрицательно (*Что мёртвые для папарацци, для охотников за сенсациями!; Искусство – это смерть живой жизни: оно ловит мгновенье, оставляя после встречи с ним памятник, — охотник за жизнью*). Пейоративная оценка присутствует и в устоявшейся современной метафорической номинации *охотница* – при номинации молодой красивой женщины, которая всеми способами стремится выйти замуж за богатого мужчину и для этого ходит на светские мероприятия. Однако иногда пейоративная оценка может отсутствовать (*Погиб большой художник, поэт и мечтатель, охотник за красотой и наш с вами брат*).

Отрицательно воспринимается обществом и другая профессия, связанная с убийством животных, – мясник (*Вы подумайте, тот мясник, кто меня оперировал, даже не появился!*). Очень часто в процессе метафоризации актуальность сохраняют такие стандартные ассоциативные признаки людей этой профессии, как ‘грубость’, ‘жестокость’, ‘жажда крови’ (*Жуков, конечно, великий полководец, но большего мясника, чем он, я в истории не знаю; Наемный убийца — это не мясник! Да, он убивает за деньги, но быстро, легко, не мучая жертву...*).

Нередко особенности профессионального поведения при переносе нейтрализуются, при этом актуализируется признак социальной оценки представителя той или иной профессии как личности. Такая оценка основывается на уровне квалификации работника, степени сложности работы, престижности или непрестижности занятия. Социум склонен «приписывать» всем представителям определенной профессии ряд черт, ориентируясь на перечисленные показатели. Так, появляется оценка их личностных качеств, поведения, интеллектуальных способностей, что и становится базой для переноса (*Вы одеты, как сапожник!; Вы – сапожник в филологии, что вы понимаете?; Я вообще не люблю немок, потому что они по натуре – кухарки...; Бабуся только что ругалась матом, словно извозчик*).

Таким образом, можно заключить, что лексика традиционной профессиональной деятельности в современном русском языке представляет собой продуктивный источник метафоризации и играет заметную роль в создании языковой картины мира. Выделение четырех синхронных срезов в

рамках современного русского языка и статистический подсчет метафорических употреблений помогли выявить изменения, произошедшие в системе рассматриваемой метафоры с XIX в. по сегодняшний день, нам удалось сделать вывод о том, что в целом количество переносных употреблений номинаций традиционных профессий на современном этапе возросло.

Анализ языкового материала показал, что основанием переноса могут служить как особенности профессионального поведения работника, так и сугубо ассоциативная оценка его личностных качеств. Положительную оценку традиционно получают люди, связанные с созидательным трудом, отрицательно оцениваются профессии, зависящие от удачи, везения, использования внешних ресурсов, а также связанные с жестокостью. Негативно оцениваются также люди, которые занимаются не своим делом.

Примечания

- 1 См.: Баранов А. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 6; Будаев Э., Чудинов А. Метафора в политической коммуникации. Екатеринбург, 2008. С. 51.
- 2 См.: Баранов А., Караулов Ю. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 17–59; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 388–392; Скляревская Г. Метафора в системе языка. М., 1993. С. 72, 92–93; Степанов Ю. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 94–99, 427–432.
- 3 Гуревич А. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 100.

УДК 811.161.1'371

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С АДВЕРБИАЛЬНЫМИ КОМПЛИКАТОРАМИ

А. В. Дегальцева

Саратовский государственный университет
E-mail: deganna@mail.ru

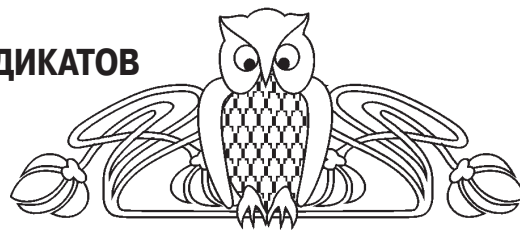
В статье рассматриваются семантические типы глаголов, функционирующих в высказываниях с адвербиализацией, и особенности их сочетаемости с определенными семантическими группами адвербиальных компликаторов.

Ключевые слова: семантическое осложнение простого предложения, адвербиализация, семантика глагольного предиката.

Semantic Classes of Verbal Predicators in Sentences with Adverbial Complicators

A. V. Degaltseva

The article is dedicated to the examination of semantic classes of verbs in sentences with adverbial complicators and to the special fea-

tures of their co-occurrence with some semantic groups of adverbial complicators.

Key words: semantic complication of simple sentence, adverbialization, semantics of a verbal predicator.

Адвербиальные компликативы¹ функционируют в основном в предложениях с предикатом-глаголом. Глагольный предикат является ядром событийных пропозиций, отражающих положение дел в объективной действительности. Он передает отношения между участниками ситуации, актантами. Практически любой глагол способен определяться наречием, однако если необходимо охарактеризовать не только действие или состояние, но и человека, совершающего это